

Максим  
Трудолюбов

Люди  
за забором

Власть,  
собственность  
и частное  
пространство  
в России

Новая история

INLIBERTY



Максим Трудолюбов

**Люди за забором. Частное  
пространство, власть и  
собственность в России**

«Новое издательство»

2015

УДК 94(470)  
ББК 63.3(2)

**Трудолюбов М.**

Люди за забором. Частное пространство, власть и собственность в России / М. Трудолюбов — «Новое издательство», 2015

ISBN 978-5-98379-196-1

Книга редактора и колумниста «Ведомостей» Максима Трудолюбова «Люди за забором» – это попытка рассмотреть закономерности российской истории, проанализировать зависимость современной России от своего прошлого и подумать о способах преодоления этой зависимости в будущем, используя самый обыденный, но потому и самый неочевидный материал – устройство российского частного пространства – квартиры, дома, двора, забора – в его связях с политикой, экономикой, культурой и социальной жизнью.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-98379-196-1

© Трудолюбов М., 2015  
© Новое издательство, 2015

## Содержание

Благодарности	6
Вступление. Трагедия собственности	7
Глава 1. Вход	11
1. Бездомные люди	11
2. Из горожан в граждане	14
3. Отраженная современность	15
4. Капитал поколений	18
Глава 2. Забор: русский титул	21
1. Сосед хорош, когда забор хороший	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Максим Трудолюбов**  
**Люди за забором. Частное пространство,**  
**власть и собственность в России**

© Максим Трудолюбов, 2015

© Новое издательство, 2015

\* \* \*

*Посвящается памяти родителей Маргариты Георгиевны и  
Анатолия Федоровича Трудолюбовых*

## Благодарности

Бесценной для автора была помощь жены Инны Березкиной, Матвея Трудолюбова, который рос вместе с этой книгой, Марии и Петра Трудолюбовых. Глубоко важным для книги (и не только для книги) было общение с философами и основателями Московской школы гражданского просвещения Еленой Немировской и Юрием Сенокосовым, историком Василием Рудичем, экономистом Джеймсом Робинсоном, политологом Иваном Крастевым, экономистами Сергеем Гуриевым, Олегом Цывинским, Константином Сониным, политологом Эллен Мицкевич, филологом Михаилом Гронасом, экономистами Владимиром Южаковым и Кириллом Янковым, архитектором Никитой Токаревым, предпринимателями Сергеем Петровым, Алексеем Климашиным, Булатом Столяровым, директором Центра им. Вильсона Мэттом Рожански, заместителем директора того же центра Уильямом Померанцем, коллегами Павлом Аптекарем, Борисом Грозовским, Андреем Синицыным, Николаем Эппле, Николаем Кононовым. Книга не состоялась бы без деятельного участия редактора Андрея Курилкина, согласившегося прочитать рукопись, взять ее в работу и помочь усовершенствовать. Высокая компетентность и интеллектуальный уровень собеседников, впрочем, не могут служить гарантией качества книги: все недостатки и ошибки на совести автора. Книга писалась урывками в разных местах, поэтому всем этим местам также следует благодарность.

## Вступление. Трагедия собственности

Закрепощение и освобождение крестьян, революция и коллективизация, массовое жилое строительство и, наконец, раздача квартир в собственность – вехи русской истории, значимые для нас до сих пор. Все они связаны с землей и собственностью – с привязкой к земле, с освобождением от привязки к земле, с потерей собственности и с обретением ее вновь.

Это были события, коснувшиеся буквально каждого: десятки миллионов людей потеряли все в начале 1930-х, десятки миллионов людей получили частное пространство благодаря массовому строительству жилья в 1960–1980-х годах (см. главы 1, 10 и 11). Советского человека создала не столько революция, сколько квартирный вопрос – острая нехватка жилья в растущих городах. В тесноте, в ссорах и в дружбе с соседями, в борьбе за квадратные метры оттачивались характеры и делались карьеры. В СССР обладание отдельным жильем было для миллионов людей кульминацией жизненного пути.

Тоску по отдельности, конечно, придется утолять каждому следующему поколению, но сегодня можно говорить о качественной перемене в российском обществе в целом. Трудный путь из советской коллективной бездомности в отдельную частную жизнь пройден.

Частная жизнь – великое достижение общества. Возможность остаться наедине с самим собой и близкими кажется нам сегодня естественной. Кажется, что наши четыре стены, наши домашние дела, чувства и слова принадлежат только нам. Сейчас это не просто возможность, а право, записанное в конституции. Но эта возможность, не говоря уж о праве, в России – новейшее, практически вчерашнее достижение. Да и в мире сравнительно недавнее.

На протяжении всей своей истории человек существовал прежде всего как часть племени, банды, общины, войска, цеха, сообщества, церкви. Нужда и собратья не оставляли его в покое. Человек – существо общественное, но одновременно и существо, умеющее ценить приватность.

Уйти в скорлупу собственного пространства на протяжении большей части истории могли только избранные: вожди и святые. Путь к обособленной жизни для простого человека был долгим, трудным и органическим – связанным с Промышленной революцией, ростом торговли, появлением среднего класса и, как следствие, созданием пространства частной жизни – частного дома, предназначенного для нескольких человек – малой семьи. Чтобы иметь возможность жить в отдельной квартире или городском доме, трудящийся человек – не вождь, не феодал, не предводитель шайки – должен был преодолеть порог самодостаточности, поднять голову и начать зарабатывать не только на пропитание. Эту возможность дало ему постепенное высвобождение из множества зависимостей, размывание монополий на торговлю и власть. Географические открытия, частная собственность на землю, новые технологии и появившиеся благодаря им новые источники заработка помогли людям придумать частную жизнь (см. главу 3).

Появление «малого» дома не было бы возможно без чувства и института массовой частной собственности. Осознание жилища как своего, конечно, уходит к самым истокам человеческой культуры, но осознание собственного «я» и закрепление границ частной сферы – процесс, развивающийся до сих пор (см. главу 4). Точно так же развивается и правовое понимание того, что человек может или не может считать своим. В любых культурах, в том числе и в западных, у частной собственности всегда были альтернативы – общественная и государственная собственность. Сегодня во множестве стран развиваются и становятся все более востребованными различные формы временного или совместного пользования благами. Автомобили, квартиры, загородные дома часто арендуются, а не приобретаются в собственность. Интересно, что именно в странах с самыми долгими традициями частной собственности доля собственников в общем количестве городских жителей значительно ниже, чем в России. В Швейцарии

их меньше половины, в Германии чуть больше половины, в Британии – около 68 % (на фоне российских 85 %).

В нашей культуре процессы, связанные с различными режимами собственности, шли иначе. Дело здесь не в мистике и не в таинственной душе. Не исключено, что несвобода и теснота жизни в огромной России как-то связаны с характером общества и государства.

Русские властители на протяжении столетий расширяли свои владения и справлялись с удержанием огромных территорий под контролем благодаря концентрации, а не разделению власти на каких-либо договорных началах. Территориальная экспансия и безопасность как ключевые ценности российской государственности не могли не повлиять на формирование общества. Наличие одного преобладающего источника благ – будь то пушнина, труд крестьян, древесина, зерно или нефть – формировало особую форму господства.

Приоритетами российской формы господства, сложившимися в ходе формирования Московского государства, были создание прочных заслонов от внешних врагов и извлечение богатства в пользу небольшой элиты. Процессы строительства профессиональной бюрократии, местного самоуправления и обустройства жизни на местности развивались крайне медленно, в частности потому что никогда не были для этой элиты главными. Страны, чьи лучшие представители интересуются устройством общественной жизни, и страны, чья элита такими процессами не интересуется, сильно отличаются друг от друга благосостоянием и настроениями граждан. Вторые, как правило, представляют собой колонии или государства, чья правящая верхушка заинтересована только в том, чтобы вывозить за рубеж сырье и другие товары (главы 5 и 6).

Россия – необычная страна, поскольку она и колония, и колонизатор. Парадоксальный результат ее многовекового расширения заключается в том, что места в стране много, а жить тесно. Жить тесно, потому что пространства много, а обжитого пространства мало.

При этом наличие одного важнейшего источника ренты задает определенные правила игры. Если правила вознаграждают какое-то поведение, то самые сообразительные игроки станут вести себя наиболее выигрышным образом. Если существует один источник благ, превосходящий по своему потенциалу все остальные, то все будут стремиться к нему – в Петербург, в Москву, к казне, к центру принятия решений. Гигантская концентрация ресурсов в столицах и недоразвитость других пространств связаны. Необжитость есть проекция сильной центральной власти. Места мало, потому что власти много.

Общечеловеческое стремление к частному благополучию постоянно сталкивается в России с политической системой, ставящей порядок (сословный, идеологический, государственный) выше идеи развития. Частная собственность в России, в отличие от частной собственности на Западе, не стала символом гражданственности, права и участия в делах общества. Этот институт не получил доброго имени ни до революции большевиков, ни после революции Ельцина и Гайдара. Для одних собственность была и остается легитимным механизмом удержания господствующего положения, для других была и остается свидетельством глубокой несправедливости общественного порядка (главы 7 и 8).

Многие исследователи увязывали недостаточность развития частной собственности в России с особенностями политического развития страны. Самый известный пример, конечно, – книги историка Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме» и «Собственность и свобода», в которых автор, по сути, увязывает уровень развития частной собственности в стране с уровнем развития политических свобод.

Но в частной собственности в России не было «недостатка»: она так или иначе существовала на протяжении всей русской истории, а в последние 150 лет ее петербургского периода была даже более радикально «частной», чем многие европейские аналоги. Просто собственность и свобода в России разделены, они обитают в непересекающихся вселенных.

В англо-американской культуре одно время было принято говорить о «трагедии общин» – парадоксе, проявившем невозможность совместного пользования ресурсами и тем самым оправдавшем господство частной собственности. Исследователи до сих пор спорят об этой идее, но суть ее в том, что если одни пользуются общим благом чрезмерно, то в результате эгоизма отдельных пользователей общий ресурс, например пастбище, не успевает восстановиться и прокормить всех.

В России, мне кажется, можно говорить о «трагедии собственности». История отношений с собственностью у нас отличается от западной. Собственность в русской политической культуре не являлась той основой, благодаря которой были осознаны другие гражданские права. Защитники частной собственности и защитники прав человека и гражданина часто оказывались в России по разные стороны политических баррикад. Собственность, особенно крупная, в нашей культуре воспринималась как незаработанная и потому несправедливо удерживаемая. Распоряжались ею бездумно и пренебрежительно. В итоге общество не видело в ней этической ценности и легко отказалось от нее в момент социальной революции 1917 года. «Если в России частная собственность так легко, почти без сопротивления, была сметена вихрем социалистических страстей, – писал Семен Франк в работе «Собственность и социализм», – то только потому, что слишком слаба была вера в правду частной собственности, и сами ограбляемые собственники, негодуя на грабителей по личным мотивам, в глубине души не верили в свое право».

Одной из основ советского проекта была идея организовать жизнь на научных, разумных началах, что, в частности, предполагало управление экономикой из единого центра. Лидеры коммунистического государства пообещали всему миру разрешить глубокую, врожденную несправедливость капитализма и частнособственнического хозяйствования: избежать неравенства в обществе и несогласованности между участниками человеческой деятельности. Если нет частной собственности, то нет и эгоизма собственника и, значит, некому тянуть одеяло на себя. Но марксистская идея не поддалась воплощению, а может быть, человеческая природа оказалась сильнее разума. Советский экономический проект рухнул под собственной тяжестью.

Послереволюционный маятник качнулся в России 1990-х годов невероятно сильно. Право частной собственности было формально распространено (в случае с занимаемой людьми жилплощадью) и предложено (ваучерная приватизация) практически всему населению страны. Но это не сделало людей собственниками по духу. Право собственности, каким бы уязвимым оно ни было в силу несовершенства институтов нового российского государства, все-таки было вполне реальным. Но оно не стало волшебной палочкой, способной превратить население в граждан, а электорат – в собственников своей страны. Вещи стали своими, а страна своей по-настоящему так и не стала. Внутреннее содержание многих процессов, происходящих в России, – это лихорадочный поиск людьми своей идентичности и связи со страной, ощущения обладания.

Реабилитация собственности в новой России открыла, конечно, невиданные возможности, но привела и к новым проблемам. Те, кто стал распоряжаться сырьевыми богатствами страны и ценностями, созданными общими усилиями в советское время, не могли восприниматься обществом как полноценные независимые собственники. Государству это и не было нужно. Более того, никакие собственники, даже несырьевые, средние и мелкие, не должны были осознать себя независимыми. Надежной правовой основы и стабильных правил игры внутри страны для собственников так и не было создано – отчасти потому что правовые системы других стран всегда были легко доступны, отчасти потому что неопределенность правил выгодна верховной власти. В новых условиях право собственности и другие гражданские права снова, как и когда-то, стали явлениями разной природы.

Российское общество в постсоветские годы прошло скорее через эпоху присвоения, чем созидания. Это был бум, обвал присвоения: мое, мое, мое. Разницу между таким «моим», которое присвоено, и «своим», которое создано руками и разумом, еще двадцать лет назад стремился сформулировать философ Владимир Бибихин. Это разница, говорил он, между «мое просто потому что не твое» и «собственно *свое*, захватывающее»<sup>1</sup>. Эту разницу российское общество не осознало и не осмыслило до сих пор.

Композиция книги – это проход сквозь воображаемый частный дом. Предметами рассмотрения становятся забор, пространство двора, территория участка, вопросы безопасности здания, его цена и проект, по которому здание построено. Есть главы о тех, кто живет в доме, – о «работниках» (от крестьян до нас) и «хозяевах» (от дореволюционных до нынешних). Они обобщают исторический анализ российской институциональной схемы, предлагают современный взгляд на вопросы нашей зависимости от прошлого и выводят на разговор о будущем.

---

<sup>1</sup> Бибихин В. Свое, собственное [http://www.bibikhin.ru/svoe\\_sobstvennoe](http://www.bibikhin.ru/svoe_sobstvennoe)

## Глава 1. Вход

### 1. Бездомные люди

В 1970 году все радовались переезду, особенно мой дед. Квартира в девятиэтажной новостройке теперь была его квартира – отдельная, трехкомнатная, выделенная ему, мастеру-электрику, ветерану войны. Ему было 55 лет, у него только что родился внук, он был счастлив. Это было уже не временное пристанище, не комната в доме на несколько семей, а настоящее отдельное место жительства. Вот теперь сорокалетний путь из деревни в город был завершен, что подтверждалось бумагами и паспортом с самой лучшей пропиской в мире – московской. Этот путь он начал в 15 лет, бежав из рязанской деревни Перевицкий Торжок.

Деревня стоит на Оке, на крутых холмах чуть выше села Константиново, где родился Есенин. Сюда можно и сейчас возить студентов-художников писать этюды. Место до сих пор почти не испорчено, а в то время наверняка было просто захватывающе красивым: высокий холмистый берег с видом на бесконечную равнину по другую сторону реки. Но заглядываться на красоту в 1930 году было некогда. Мой дед уехал из Перевиц, потому что, после того как народ согнали в колхоз, жить привычным хозяйством большой семьей стало голодно и невозможно. Сам он говорил, что уехал из-за трудодней: «Работать стали за трудодни. Нам палки в ведомости ставили. Отработал – палка. И все».

О красоте, оставленной позади, он вспоминал с гордостью. Считал, что у них было лучше, чем в Константинове. Рассказывал, как они с мальчишками прыгали в реку с обрыва. Рассказывал, что крутой холм под названием Маковище прямо напротив дома был на самом деле курганом и там можно было откопать татарские и русские черепа. Но рассказывал он это отстраненно, возвращался к прошлому редко, как эмигрант, давно потерявший связь с родиной.

Его первым занятием в городе была клепка котлов на асфальтовом заводе. Там же, под котлами, он, вместе с другими рабочими, в первое время и жил. Это была ужасная и оглушительная в буквальном смысле работа. Но на прекрасный косогор в родительский дом он возвращаться не собирался.

Никакой привязанности ни к одному из мест, где деду приходилось жить, я с его стороны не чувствовал. Пятачок между трамвайным кругом и платформой точно не мог казаться ему домом. Квартирой он гордился – получил за службу, – но гордился, по-моему, прежде всего документально утвержденным фактом ее получения. Место, новый район Беляево, было ему безразлично.

Он вырос в большой крестьянской семье, был одним из восьмерых детей, у него не было времени учиться. Но он стал человеком с городскими привычками и городскими амбициями – любил свою работу (электрик), любил книги, газеты, прогулки в парке и личные достижения. Ему важно было движение от места к месту, от ступени к ступени. И любое достижение он отмечал выпивкой, не видя в этом проблемы. Он принял правила города приезжих: двигаться вверх по ступенькам и не оглядываться. В городе лестниц больше, чем в деревне, – всегда есть куда стремиться.

Путь моего деда – путь большинства. То, через что прошел он, прошли почти все. Он родился в стране, где подавляющее большинство жителей (85 %), как и он, были крестьянами. Его судьба изменилась тогда же, когда у всех, – в 1929–1930 годах, когда началась массовая коллективизация. Он был на фронте, как и большинство его сверстников, и, в отличие от многих, выжил. Это второе главное событие его жизни. А третьим главным событием было то, что он получил отдельную квартиру. И это тоже случилось примерно тогда же, когда у многих из его сверстников. Он умер в стране, где подавляющее большинство жителей (74 %), как и

он, уже были горожанами<sup>2</sup>. В стране, где родился мой дед, большинством были люди моложе 30 лет. Ко времени революции 1917 года более 60 % населения Российской империи были молоды. В стране, где умер мой дед, пожилых людей было уже больше, чем молодых. Сейчас людей моложе тридцати – меньше 40 %<sup>3</sup>.

Это невероятное превращение случилось меньше чем за одну человеческую жизнь. Миллионы людей, как и мой дед, бежали из деревень, от голода и новых порядков, и те, кто выжил, перебрались в города.

Именно молодые люди, родившиеся, как и мой дед, в больших семьях в год революции – чуть раньше и чуть позже, стали первым «новым поколением». Новым в том смысле, что жизнь такого огромного количества людей оказалась совсем не похожей на жизнь *всех* предыдущих российских поколений. Стремление к заработку и образованию, конечно, и раньше приводило крестьян в города, но ничего подобного по масштабу не было. Миллионам новых пролетариев, и колхозных и городских, пришлось учиться жить заново. Родительский опыт только мешал. Образ жизни, привычный для их предков, перестал их кормить. Большие семьи стали им обузой. Прежняя вера была у них вытравлена и заменена новой.

Начало коллективизации, ликвидация «кулака» и форсированное строительство затронули подавляющую часть населения страны. За несколько недель были сломлены жизни более 130 миллионов крестьян Советского Союза<sup>4</sup>. По масштабу и последствиям конец 1929 года и первые месяцы 1930-го гораздо важнее октября 1917-го. Историк Николай Рязановский сравнивал коллективизацию с Крещением Руси. «Поскольку те события затронули бóльшую часть русских и россиян, год 1929-й можно считать важнейшей переломной точкой русской истории, за исключением, возможно, года 988-го», – пишет он в книге о самоидентификации русских и россиян<sup>5</sup>.

Эти молодые, сильные и бездомные люди, не успевшие толком привязаться к старому образу жизни, вынужденно осваивали новый. Они были чистым листом: готовы были слушать, воспринимать и работать. Они доказывали, сколько испытаний может перенести человек и в каких условиях может выживать. Ночлег на настоящей кровати, а не под котлом, возможность дослужиться до лишнего пайка значили для них больше, чем участие в великой стройке. «Стойкость и выносливость, а не трудовой энтузиазм были нормой для большинства. Стойкость не относится к Аристотелевым политическим категориям, но она сыграла свою политическую роль. Она помогла удержать гитлеровцев под Сталинградом, она же помогла народу пережить все испытания советской истории», – пишет Рязановский<sup>6</sup>.

Все эти стойкие люди были еще и крайне плохо устроены в жизни – подсобки, землянки, казармы, бараки, общежития, коммунальные квартиры были их домом. Бездомность подавляющего числа граждан страны являлась, по сути, осознанным политическим выбором власти. Во-первых, жилое строительство было одной из жертв «великого перелома» 1929–1930 годов. Осознанное решение направить ограниченные ресурсы на оборону и тяжелую промышленность обрело остальные отрасли экономики, в том числе строительство жилья, на «голодание». Капиталовложения в жилое строительство сократились, и даже официальные нормы жилой площади на человека к 1940 году были уменьшены почти наполовину. «Политика без-

---

<sup>2</sup> По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 году, менее 15 % населения, проживавшего в современных границах России, было городским. См.: Демоскоп Weekly. 2001. 10–23 сентября. № 33–34 <http://demoscope.ru/weekly/033/tema01.php>. О современной ситуации см.: Вот какие мы, россияне: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. 2011. 26 декабря.

<sup>3</sup> Росстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2014 года [http://www.gks.ru/bgd/regl/b14\\_111/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_111/Main.htm).

<sup>4</sup> Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М.: МИК, 2000. С. 227.

<sup>5</sup> Riasanovsky N. Russian Identities: A Historical Survey. New York: Oxford University Press, 2005. P. 216.

<sup>6</sup> Ibid. P. 228.

домности», конечно, не была описана в документах партии, но ее вполне возможно рассматривать как политику.

Во-вторых, жилищное «голодание» помогало политическому руководству направлять трудовые ресурсы по желанию: большинство получало жилье от предприятия, и люди стремились туда, где «давали» жилье. В приоритетных отраслях получить квадратные метры было легче. В-третьих, была еще прописка, дожившая в слегка трансформированном виде до наших дней. Обязательная регистрация по месту жительства позволяла следить за гражданами – и по официальным каналам, и с помощью добровольных помощников партии, – выявив врага народа среди соседей, можно было претендовать на освободившуюся комнату.

То, в чем участвовали, не зная того, миллионы новых пролетариев и колхозных крестьян, было невиданным экспериментом. Эта была попытка политической элиты получить заданный результат (коммунистическое общество, иначе именуемое «светлым будущим»), резко ускорив исторический процесс и жестко контролируя его ход. Это был контролируемый социальный взрыв. Теоретики и практики коммунизма-ленинизма планировали симитировать и попутно усовершенствовать процесс, который в Европе длился несколько веков.

Голод и лишения неизменно объяснялись курсом партии на светлое будущее. И идея будущего действительно укоренилась в сознании граждан. Благодаря искусственной бездомности, на которую советские стратеги обрекли большинство граждан СССР, подлинным светлым будущим для них стала собственная отдельная квартира. Это стремление к отдельному жилью, к отдельности, к частной жизни, как мы увидим, определило и советское и постсоветское развитие страны.

В нашей истории было немало правителей, веривших в то, что исторический процесс, как металл, поддается технологическому воздействию. Петр I верил, что можно за одно поколение сделать Россию европейским правовым государством с настоящими чиновниками и военными. Советские лидеры были убеждены, что можно в пробирке получить индустриальную урбанизированную страну, минуя все стадии органического роста промышленного производства и городов. Постсоветские лидеры полагали, что можно создать рыночную экономику, минуя формирование институтов собственности и права. И не то чтобы совсем никому и никогда не удавалось перепрыгивать через историю и менять себя быстро – быстрые трансформации возможны, но гарантий успеха никогда нет. Чаще получается совсем не то, что задумывалось.

## 2. Из горожан в граждане

Возвышение городов в Европе сопровождалось не просто ростом численности городского населения, а укреплением его роли в управлении городом, а позже и страной. Вчерашним крестьянам, новым горожанам европейских городов приходилось защищать плоды своих трудов и от феодальных владык, и от монархов. Именно с этим были связаны все опыты самоорганизации – гильдии, парламенты и различные низовые движения.

Но и горожане были нужны правителям. Без опоры на «город» монархам не удалось бы создать национальные государства: город был союзником центральной власти в борьбе с центробежными «региональными» силами, представленными традиционной аристократией. В период формирования современного государства (XIV–XV века) европейские монархи все больше полагались на растущее городское население, стремясь договариваться с представительными учреждениями и набирать на службу горожан, получивших университетское образование, – так на свет появилась бюрократия, верхушка «третьего сословия». «Но с развитием промышленности третье сословие стало слишком серьезной силой, которую его прежний союзник, монархия, уже не способна была держать под контролем, особенно если центральная власть была слабой или коррумпированной, – говорит историк Василий Рудич. – Это, как мы знаем, и привело к кровопролитным революциям в Европе, а затем и к рождению современной эпохи»<sup>7</sup>.

Горожане помогли сформироваться современному обществу. Индустриализация и урбанизация не были просто механическим ростом производства и скучиванием все большего количества людей в городских стенах. Жители городов за эти долгие годы отвоевали для себя то, что философы называли правами. Права на частную жизнь, свободу и неприкосновенность собственности формировались в ходе многовекового торга между монархами, церковью, аристократами и горожанами. В ходе этого торга *горожане* стали *гражданами*.

Ключевую роль в процессе доказательства самой возможности владения имуществом здесь, на этой земле, сыграла, как ни удивительно, церковь. Именно отцы церкви вернули в интеллектуальный обиход античных авторов, с которых, вплоть до сего дня, начинается любая дискуссия о собственности. Средневековым ученым важно было обосновать легитимность церковной собственности и защитить ее от посягательств монархов. Монархи, в свою очередь, стремились доказать, что только они являются единственным источником легитимности владения на своей территории. Аристократам и горожанам была нужна защита их собственности и от первых, и от вторых. Окончательной победы не добилась ни одна из сторон. Но это означало, что у собственности не оказалось верховного «хозяина». Ни император, ни церковь, ни сообщества граждан не смогли взять на себя роль верховного распорядителя. Эта роль постоянно оспаривалась, что приводило к конфликтам и войнам, но именно в силу отсутствия одного победителя частная собственность превратилась в то, чем она является в культуре Запада.

Возможно, поэтому так трудно, не проходя длительной урбанизации и роста промышленности, воспроизвести этот институт в других культурах. И особенно трудно сделать это в таких культурах, как российская, где равновесия между обществом и аристократией не получилось и власть и собственность слились в единое целое с единым верховным хозяином (подробнее об этом в главе 4, посвященной собственности как идее и институту).

---

<sup>7</sup> Из личной беседы с историком Василием Рудичем, преподавателем Йельского университета.

### 3. Отраженная современность

То, что происходило в СССР в 1930–1950-х годах, тоже принято называть индустриализацией и урбанизацией. Действительно, за предвоенное десятилетие и в 50-х годах было построено невиданное прежде количество заводов, шахт и электростанций; были открыты школы, вузы и исследовательские институты, театры, концертные залы и дворцы пионеров. Все это было бы немыслимо без новой рабочей силы – горожан. К началу 1960-х годов численность городского населения в СССР сравнялась с сельским. Произошло это на 100 лет позже, чем в Англии, но всего лишь на 10 лет позже, чем в среднем в Европе, то есть на самом деле не так уж и поздно.

По гамбургскому счету Советский Союз при этом не блистал. Экономический взлет 1920-х и 1930-х годов, прервавшись на момент коллективизации, продолжался до возвращения к долгосрочному тренду, существовавшему до Первой мировой войны, после чего в 1940 году, то есть еще до начала Второй мировой войны, произошло торможение. Итак, быстрый довоенный рост сталинского времени (от 4 до 6 % в год, по разным оценкам) мог быть всего лишь возвращением к долгосрочной тенденции. Заметим, что даже заявленные цели сталинского рывка так и не были достигнуты: ни одна из сталинских пятилеток не была выполнена, убыль тяглогового скота в колхозной деревне не была компенсирована тракторами и машинами до середины 1950-х годов.

В среднем в продолжение всего эксперимента – начиная с «антикрещения» 1929–1930 годов и до последнего полного советского года, 1990-го, – ВВП на душу населения рос на 2,6 % в год. И это несмотря на чудовищные затраты – человеческие и материальные.

Как показывают современные исследования, своих наивысших экономических достижений СССР добился к концу 1970-х годов – ВВП на душу населения вырос до уровня 38 % от американского. В 2012 году ВВП на душу населения России достигал приблизительно 30 % американского, что близко к тому же показателю в 1908 и 1990 годах<sup>8</sup>. Таким образом, если смотреть из долгосрочной перспективы, сталинский рывок не изменил экономический вес России по отношению к другим ключевым участникам глобальной хозяйственной системы. «Если у коммунистического устройства общества и была какая-то экономическая задача, то она не была реализована. Многие страны, не только европейские, но и азиатские и латиноамериканские, демонстрировали более высокие темпы роста с куда меньшими ограничениями прав и свобод»<sup>9</sup>.

Разрыв с европейцами не был разительным, а китайский подушевой ВВП был тогда в шесть раз ниже советского (в 2012 году был уже в два раза ниже). Грамотность стала почти поголовной, образование и медицина – доступнее, чем когда-либо в российской истории. Мы получили городское образованное население. А в силу резко сократившихся размеров семей получили «пожилую» страну. Мы приблизились к европейской современности, почти догнали ее.

Но результаты пережитого нашими дедами контролируемого социального взрыва оказались непохожими на результаты многовекового торга, проходившего в Европе. Наша современность как будто бы и есть современность, сегодня в этом уж точно нет сомнений – те же предметы, та же техника, та же одежда, – но сходство это внешнее. Нашей современности, полученной в приборке советского эксперимента, чего-то не хватает.

---

<sup>8</sup> Ofer G. The Soviet Growth Record Revisited. Доклад, представленный на конференции ACES – AEA meetings. Бостон, 5–8 января 2006 года. Цит. по: Сонин К. Свой опыт // Ведомости. 2008. 9 сентября.

<sup>9</sup> Сонин К. Указ. соч.

Не хватает того, что отменялось в ходе эксперимента, – добровольности, естественности, органичности. Переток населения из деревни в город – естественный процесс, через который прошли почти все общества. Просто у нас он был проведен искусственно и в ускоренном режиме. Руководители большого проекта под названием СССР осознанно корректировали ход истории.

Развитие права собственности и права деятельного участия граждан в политическом развитии собственной страны – вопросы ключевые для западной культуры – действительно были в российских условиях избыточными, поскольку торгового не предполагалось. То, к чему западное общество пришло «грязным» путем проб и ошибок, советские идеологи стремились преодолеть, пройдя «чистым» путем строительства утопии по заданному проекту.

Но утопия, по определению, – идея не прикладная. Большинство утопий – бумажная архитектура, то есть проекты, не предполагающие физического воплощения. Американский историк Мартин Малиа считал, что большевики совершили «ошибку Колумба» – они отправились на поиски социализма, а нашли что-то совсем другое. «Большевики стремились найти социализм, но наткнулись на „советизм“, приведя Россию в перевернутую современность»<sup>10</sup>.

Советский Союз развивался как ответ Западу. Можно было бы назвать экспериментально выведенную советскую современность отраженной, увидеть в ней зазеркалье западного общества<sup>11</sup>. В последние два с половиной десятилетия своего существования советская *modernity* выглядела все убедительнее. Именно тогда СССР заработал себе имя научной и космической державы. С 1951 по 1960-й ВВП Советского Союза вырос, по расчетам экономиста Григория Ханина, на 244 %. Началась активная добыча нефти и газа, в страну были ввезены технологии массового производства потребительских товаров. Образ жизни поколения моих родителей – в больших советских городах – стал отдаленно напоминать образ жизни их ровесников в Европе и США. Благодаря массовому строительству все больше людей могли позволить себе отдельные квартиры, жизнь становилась комфортнее, частные автомобили стали доступнее, можно было отдыхать на море, ездить по стране, всерьез заниматься образованием и свободным временем детей.

Советское детство было одно на всех, оно состояло из ограниченного набора всем известных блоков. В одинаковых булочных продавались одинаковые булочки. После школы можно было пойти к любому из друзей в гости – в квартиру, похожую на твою собственную. Там можно было получить такой же, как дома, нагоняй и съесть такой же, как дома, обед. У счастливых на полках стояло одно и то же розовое собрание сочинений Вальтера Скотта и зеленое – Чарльза Диккенса. Учительницы, обученные учить нас по одной и той же программе в одинаковых школах, были похожи между собой и носили пугающе одинаковые прически.

Кто мог вырасти в этом инкубаторе кроме одинаковых маленьких гомункулов? Получились между тем на удивление разные, любопытные и активные люди. Искусство комбинирования – вот что спасало. В моем случае блоки были такие: школа, книги, Дворец пионеров, лето. Утром нужно было идти в школу и проходить обязательные для всех уроки. Летом нужно было ехать в обязательный для всех лагерь, такой же, как в прошлом году, только наполненный новыми мучителями. Дворец был любимым, потому что необязательным.

Здесь можно было выбирать себе занятие. Здесь можно было найти свой секрет – то, чего нет ни у кого. Кружок мог быть тем единственным, что отличало тебя от друзей. В конце концов и результат получался отличным от других из-за этого единственного ингредиента. Мой хороший товарищ по изостудии Дворца пионеров ходил еще и на итальянский и так хорошо выучил

---

<sup>10</sup> Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. New York: The Free Press, 1994. P. 15.

<sup>11</sup> Это не противоречит мысли самого Малиа, для которого Россия была не «антизападом», а одной из «европ»: «Не существовало и не существует Европы как однородного культурного целого, противостоящего России... Европу следует изучать как целый ряд *Sonderwege*, „особых путей“ (в том числе русского пути)...» (Малиа М. *Non possumus // Отечественные записки*. 2004. № 5. С. 266).

язык, что начал работать переводчиком, а потом создал в Италии свой бизнес. Я знаю людей, которые благодаря Дворцу стали художниками и артистами. Но для большинства увлечения японским языком и живописью, фотографией, актерским мастерством и геологией остались увлечениями. И не должны были стать чем-то большим. Внеклассные занятия давали круговой обзор, возможность выбора и готовили к неизвестному будущему лучше, чем жесткая школьная программа. Они помогли нам стать «свободно конвертируемыми» в мире, который вдруг, в один день в начале 1992 года, стал совсем непредсказуемым<sup>12</sup>.

Дворцы пионеров были красивым достижением советской цивилизации. Других таких же достижений было мало. Советской промышленности не удавалось снабдить граждан идеальными аналогами всех объектов, выпускавшихся за железным занавесом. Экономика, не знавшая конкуренции за потребителя, просто не могла тягаться с западными странами в качестве потребительских товаров. Советские машины и предметы часто выглядели как склеенные на коленке копии западных оригиналов. Советские вокально-инструментальные ансамбли звучали не так, как английские рок-группы. Материалы и ткани были не те. Одежда выглядела не так, как у иностранцев.

Но у нас были книги, в том числе иностранных авторов, в блестящих переводах. Были отличные кружки, то есть талантливые люди, готовые посвящать детям время и силы. Несвободные люди с искренним уважением относились к «свободным искусствам», то есть к занятиям свободных людей. Западная картинка была яркой. Наша – блеклой, но внутренне содержательной. Возможно, потому, что те самые люди, которые в рыночной цивилизации занимались бы зарабатыванием денег и славы, в советской были от этого свободны. Они могли вести беседы, заниматься переводами, писать книги и учить детей. Это была настоящая, не запланированная советской властью роскошь.

Многим казалось, что достаточно было ликвидировать дефицит, чтобы свести к ничьей соревнование между «оригиналом» и «отражением». Но проблема дефицита оказалась гораздо сложнее, чем думали советские плановики, и решить ее помогло только вынужденное введение свободных цен. Именно существование работающего ценового механизма отличает сегодняшнюю российскую реальность от реальности 1970-х. Наше сегодняшнее отражение стало еще больше походить на оригинал: материалы и ткани теперь наконец-то стали теми, что нужно. Автомобили покупаются самые лучшие и новые, а музыкантов всегда можно пригласить настоящих – из любой точки мира. Но нашей современности по-прежнему не хватает чего-то внутри. Эту нехватку внешний наблюдатель может и не заметить, поскольку речь идет о чем-то не вещественном. Это все те же ингредиенты, исключенные коммунистической партией из советской модернизации, – право собственности и право участия в делах страны. Наша современность осталась отраженной, мы по-прежнему в зазеркалье.

---

<sup>12</sup> Трудолюбов М. Перевернутый дворец или школа гибкости // Openspace.ru. 2011. 1 июня <http://os.colta.ru/society/russia/details/22789>.

## 4. Капитал поколений

Ступени, по которым поднимался мой дед, были такие: выжить, прокормиться, найти крышу над головой, найти комнату, прописаться, получить отдельную квартиру и, если повезет, увенчать успех дачей и машиной. К концу жизни на его горизонте уже были и дача, и машина. От дачи он отказывался – не переваривал сельской жизни ни в каком виде. А машину получил: «москвич» ему полагался бесплатно от города, как ветерану и инвалиду войны. Он уже не мог сесть за руль, мог только из окна видеть, что машина стоит под окном. Сверху «москвич» выглядел как настоящая машина, его собственная. Дед мог считать свою программу выполненной.

Не было ничего низкого или смешного в этой цепочке – квартира, дача, машина. Мой дед, как и миллионы его ровесников, заплатил за эти городские достижения слишком дорого. Он и не знал, насколько дорого, потому что, слава богу, не мог знать современных исследований о советской экономике, которые я цитировал выше. Он не знал, что за каждый стул, стол, ковер, полку с книгами, шкаф с посудой, за проложенную дорогу, построенный дом и выпущенный автомобиль он заплатил во много раз больше, чем люди его возраста в странах за пределами железного занавеса. Ему не с чем было сравнивать свою жизнь, она была похожа на жизни тех, кого он видел вокруг. Для него не существовало взгляда «сверху» или со стороны. Когда я спрашивал у него, почему они в его время терпели все, что с ними проделывало начальство, он не отвечал и мне казалось, что не понимал вопроса.

Только теперь я стал думать, что задавать этот вопрос было жестоко. Это для моих родителей и меня существовали Солженицын и Шаламов, а ему и большинству его ровесников – сидевших и несидевших – достаточно было их собственного опыта. У поколения, прошедшего коллективизацию, лагеря и войну, было моральное право не знать всей правды советской истории. И это единственное поколение, для которого это извинительно; у следующих поколений такого права, конечно, нет.

Доблесть его поколения была не в том, чтобы обличить бесчеловечную власть и восстать на нее. Доблесть была в том, чтобы из нечеловеческих условий, в которых начинали жизнь все эти миллионы вырванных из родной среды бездомных людей, дорасти до человеческих. Достигнуть того светлого будущего, которое, в отличие от коммунизма, было достижимым, – получить отдельную квартиру. Пройти через мясорубку и выглядеть в конце жизни так, как будто и не было мясорубки. Стол, ковер, фарфор, хрусталь, квартира, дача, машина – это, конечно, всего лишь вещи. Но они были для дедушек и бабушек тем же, чем Обетованная земля для поколения Моисея. Моисею дано было ее увидеть, но не дано было в ней жить.

В миллионах семей были дедушки и бабушки, прошедшие советскую мясорубку ради жизни, похожей на настоящую. Они могли попробовать эту почти настоящую потребительскую жизнь на вкус только под старость и потому так ценили ее. Их послание следующему поколению, произносилось оно или нет, выглядело примерно так: мы заплатили, вы теперь живите.

В «обнулившейся» стране они начали жизнь с чистого листа, не имея ничего либо потеряв все. Им и позже приходилось проходить через новые и новые «обнуления». Когда жизнь идет органически, каждое следующее поколение опирается на задел предыдущего, в том числе и материальный. Но в России эти опоры словно специально выбивались у людей из-под ног. Экономист Владимир Южаков называет это «декапитализацией поколений». «Для основной массы населения страны ограничивалось не только потребление, но и возможность накопления. Экспроприация, национализация, коллективизация, запрет предпринимательства, наказание за него, мобилизационная экономика (заниженный уровень зарплаты, принудительный и фактически бесплатный труд на селе и в специально создаваемых для этих целей лагерях, принудительно-добровольные займы), репрессии, уничтожавшие огромные массы, в том числе

активной части населения, не говоря уже о катастрофически снижавших потенциал поколений потерях населения от Гражданской и Великой Отечественной войны, голода – не полный перечень факторов и инструментов декапитализации российских поколений»<sup>13</sup>.

Мы часто говорим о том, что в России большинство никак не отвыкнет ждать подачек от государства. Иногда это кажется нам чуть ли не нашей культурной особенностью. Но мой дед, как и миллионы его сверстников, не был настроен патерналистски. Он предпочел не сгнуться на поселении, не жить впроголодь в деревне, а отправился строить новую жизнь своими руками. Государственная коллективизация отняла у него опору, культурный и материальный капитал, созданный его отцом. Но то же государство стало для моего деда и его сына, моего папы, руководителем и работодателем – они не знали другого. Неизбежный патернализм большинства в России – это особенность не культуры, а истории. Это наш эффект колеи – зависимость от пройденного пути.

Эта особенность, конечно, не осознается и не формулируется большинством, но это данность, с которой все мы живем. «С каждым поколением люди становились все более зависимыми от государства, – пишет Южаков. – Возможности людей каждого следующего поколения самостоятельно решать свои проблемы не возрастали, а снижались»<sup>14</sup>. А если и не снижались, то начинать приходилось с нуля – после того, как все было потеряно во время революции, после того, как все было отнято во время коллективизации, и после войны, и после распада СССР. Вспомним, что в конце 1991 года в России произошло еще одно обнуление капитала предыдущего поколения, по потерям и падению потребления вполне сравнимое с революционным. Жизнь, в которой каждое поколение проходило через утрату и материального, и социального капитала, неизбежно будет особенной.

Следствий этой нашей взрывной, постоянно обнуляемой истории много. Наиболее важны такие: во-первых, постоянное ожидание помощи от государства, но – в случае разочарования – готовность пойти против государства. Во-вторых, это повторяемость ключевых тем для дискуссий от поколения к поколению. Книжки, конечно, стоят на полках, но в живой памяти многие договоренности прошлого стерты, так что мы в который раз в нашей истории принимаемся спорить о путях развития, месте России в мире, ценностях. Культурный капитал каждое поколение начинает копить как будто с нуля.

Так и с материальным капиталом. Третье следствие – это стремление тех, кому доступна возможность накопления, делать это с полной отдачей и без всякой оглядки на окружающих и на страну. Брать, пока дают. Когда я смотрю на застроенные домиками пригороды, на большие и маленькие поместья, на виллы, купленные русскими за границей, то вижу эту программу накопления в действии. Я понимаю, что дети и внуки таких же дедов, как мой, до сих пор продолжают выполнять их завещание и остановиться не могут: еще один ремонт, еще одна машина, еще одна дача, еще выше, еще больше.

Это помогает понять огромные и вычурные дворцы. Ведь они – результат той самой завещанной программы, только давшей сбой и превратившейся в дурную бесконечность: если дед боролся за свои 5 квадратных метров, то у сына таких метров должно быть 500, а еще лучше 5 тысяч и участок в 30 гектаров с малым дворцом и фонтанами. А может быть, и все 10 тысяч метров и все 60 гектаров. Так что по-человечески можно понять и «дворец Миллера»<sup>15</sup>, и «дворец Путина»<sup>16</sup>, ведь они – тоже часть поколения, которому завещано жить счастливой потребительской жизнью. Они поняли послание чересчур буквально. Они как будто продолжают спасаться от бездомности, умножая количество квадратных метров.

---

<sup>13</sup> Южаков В. Капитализация поколений // Ведомости. 2011. 22 августа.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Седаков П. Памятник эпохе: Дворец подрядчика «Газпрома» // Forbes. 2010. № 82.

<sup>16</sup> Шлейнов Р. Сор из дворца // Ведомости. 2010. 29 декабря.

Это не значит, что мы должны делать то же самое. Очень хочется понять, что на уме у следующих после «путинского» поколений – у третьего и наступающего ему на пятки четвертого. Мне кажется, что на уме у тех, кто родился в 1970-х и 1980-х годах, – не только движимое и недвижимое имущество. Инерция, конечно, велика, но невозможно себе представить, что пластинка так и будет бесконечно крутиться<sup>17</sup>.

Мы говорили выше о том, что Россия – страна модернизированная, но только очень странным образом. В этой модернизированной реальности чего-то не хватает. «Старым», то есть немодернизированным, остается в основном то, что неосязуемо, – права не защищены, большинство групп населения лишено представительства на государственном уровне, само государство архаично и коррумпированно. Сама собой напрашивается идея приписать новому поколению именно эту задачу – завершение начатой большевиками модернизации. Это оптимистично сказано, но один пункт в этой программе точно должен быть: защита права собственности, точнее жизни, свободы и собственности как совокупности прав.

Если программой первых постсоветских 20 лет было продолжение стремления к советскому «светлому будущему», то есть к отдельной частной жизни, любой ценой, то должна ведь в конце концов быть воплощена и следующая программа – сохранение и приумножение построенного и накопленного. Заработали как могли – без законов и правил, а чтобы защитить собственность, законы и правила необходимы. Защитить собственность можно, конечно, за границей, что многие и делают. Но если вывод активов и вывоз детей за рубеж останется единственным способом надежного накопления, Россия навсегда останется, по сути, колонией. Она будет оставаться ресурсной базой для тех, кто в ней не живет – только на ней зарабатывает (подробнее об этом в главе 6).

Читать послание старшего советского поколения можно по-разному. Живите как? Заведите себе больше квартир, дач и машин? Постройте дом еще больше? Или лучше? Дело точно не в размерах. У младших советских – и всех последующих – поколений нет права не знать советскую историю. Это означает, что нас должно интересовать не только количество метров, но и их качество и красота. Стоит хорошо помнить и обо всем том, чего общество было искусственно лишено в силу особенностей советского периода истории, – защите права собственности и представительстве частных интересов на общественном уровне. Без общественной жизни частная оказывается слишком хрупкой. Вот уже государство у вас в городе (мешает вам проехать, потому что у него есть мигалка, а у вас нет), а вот во дворе (строит элитный гараж там, где вы раньше гуляли), а вот и в доме или квартире (проверяет регистрацию) и даже в постели (проверяет на предмет «пропаганды гомосексуализма»).

Это урок последних лет и программа на следующие годы. «Деколонизация» и создание стабильного правового режима в России не будут простой задачей и, скорее всего, приведут к конфликтам, но если исходить из того, что она нерешаема, то и строить планы на продолжение жизни, на строительство собственного дома в стране нет смысла.

Впрочем, обо всем по порядку. Начинать разговор о доме лучше с начала, то есть с забора.

---

<sup>17</sup> Трудолюбов М. Программа Путина в действии // Ведомости. 2011. 18 февраля.

## Глава 2. Забор: русский титул

### 1. Сосед хорош, когда забор хороший

В 1914 году Роберт Фрост написал стихотворение «Починка стены». Оно посвящено тому, как он сам и его сосед идут вдоль каменной стены, разделяющей их фермы. Они делают это каждую весну, чтобы поправить выпавшие за зиму валуны. В том эпизоде, о котором идет речь, лирический герой пытается завязать с соседом разговор о смысле их действий. Зачем им эта стена?

...Ведь яблони мои не станут лазить  
К нему за шишками, а он в ответ:  
«Сосед хорош, когда забор хороший».  
Весна меня подбила заронить  
Ему в мозги понятие другое:  
«Но почему забор? Быть может, там,  
Где есть коровы? Здесь же нет коров.  
Ведь нужно знать пред тем, как ограждаться,  
Что ограждается и почему,  
Кому мы причиняем неприятность.  
Есть что-то, что не любит ограждений  
И рушит их»...<sup>18</sup>

Автору не удастся посеять в душе соседа сомнения. Стихотворение начинается с загадочной фразы «Есть что-то, что не любит стен», а заканчивается тем, как сосед уходит, повторяя старую поговорку: «Сосед хорош, когда забор хороший» («Good fences make good neighbours»). Эта ироничная медитация оставляет открытым вопрос о том, нужны ли вообще людям изгороди.

У «Починки стены» множество толкований. Но можно смело сказать, что стихи не предназначались для практического, тем более политического «применения». К началу 1960-х годов они уже стали американской классикой. Звучащая в них поговорка постоянно цитировалась, да и весь текст был разобран на цитаты. Когда президент Джон Кеннеди был в Западном Берлине и осматривал только что возведенную восточногерманской стороной стену, он вспомнил Фроста: «Something there is that doesn't love a wall»<sup>19</sup>.

Стихотворение превратилось чуть ли не в символ американо-советского соперничества, сфокусированного в тот момент на проблеме разделенного Берлина. И дело было, конечно, не только в физической стене и внешней политике времен холодной войны.

Негромкое стихотворение, осторожно ставящее вопрос о добром соседстве и хороших заборах, помимо воли поэта отозвалось в области, совсем далекой от его фермы в Нью-Хэмпшире. Оно вдруг оказалось точкой, в которой столкнулись вопросы русского и западного отношения к заборам, стенам, частной собственности и политике.

---

<sup>18</sup> Перевод М. Зенкевича впервые опубликован в 1936 году (Интернациональная литература. 1936. № 4) и неоднократно переиздавался (в частности: Фрост Р. Из девяти книг. М.: Издательство иностранной литературы, 1963).

<sup>19</sup> Raab L. From Touchstone: American Poets on a Favorite Poem / Ed. by R. Pack, J. Parini. Hanover: University Press of New England, 1996 [http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a\\_f/frost/wall.htm](http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a_f/frost/wall.htm).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.